

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1972 ГОДА

С 10 по 14 апреля 1973 г. в Самарканде проходила сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1972 г. Сессия была организована Отделением истории АН СССР, Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР, Институтом археологии АН СССР, Институтом археологии АН УзССР, Институтом этнографии АН СССР и Институтом истории АН УзССР.

С приветственным словом к собравшимся обратились академик-секретарь Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР М. К. Нурмухамедов, секретарь Самаркандского обкома КПСС М. У. Тагаев и академик В. А. Рыбаков.

На заседании объединенной сессии Отделения истории АН СССР и Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР были заслушаны доклады Ю. В. Бромлея и С. И. Вайнштейна «Этнос и культура», Т. А. Жданко «К проблеме традиций и инноваций в быту народов СССР», В. М. Массона «Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии», Г. А. Пугаченковой «Исследования и открытия Узбекской искусствоведческой экспедиции в 1972 г.», С. А. Плетневой «Половецкие каменные изваяния»¹.

В докладе Ю. В. Бромлея и С. И. Вайнштейна (Москва) были рассмотрены вопросы соотношения этноса и культуры, этноинтегрирующие и этноразграничительные функции культуры на разных этапах развития этносов, закономерности формирования этнической специфики культуры. Разные компоненты культуры, по мнению авторов доклада, несут далеко не одинаковую этническую нагрузку, причем последняя различается у отдельных народов и меняется на разных этапах развития этноса, подчиняясь определенным закономерностям. Этническая специфика наименее связана с утилитарно-производственными функциями материальной культуры и наиболее — с ее эстетическими свойствами. В культуре отдельных этносов авторы выделяют историко-генетические слои, образование которых идет двумя путями: спонтанным (эндогенным), обусловленным развитием производительных сил в определенной природной среде, и диффузным, имеющим несколько различных форм, каждая из которых была подробно охарактеризована. Наряду с историко-генетическим был рассмотрен пространственный аспект данной проблемы, проанализирован характер взаимодействия хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических общностей различного уровня в процессе формирования этнической специфики культуры. Кроме историко-этнографических провинций и областей, авторы выделили также более мелкие историко-этнографические районы и показали их основные особенности. Для выделения этнических общностей прошлого на основании изучения опредмеченных форм культуры, по мнению докладчиков, наиболее существенны те специфические черты культуры, которые наименьшим образом поддаются межэтнической диффузии, причем особенно важно разграничение передачи культуры на основе зрительной и устной традиции. Теоретические положения доклада были проиллюстрированы конкретными примерами из этнографии народов мира.

Т. А. Жданко (Москва) в своем докладе подчеркнула, что этнические традиции (в том числе национальные) изучаются этнографами в связи с этническими процессами консолидации, ассимиляции и сближения социалистических наций и народностей. Советские этнографы, в соответствии с разработанной В. И. Лениным проблемой неоднозначности социально-классового содержания традиций и их идейной направленности, различают две основные группы этнических традиций — консервативные и прогрессивные. Если первые, противоречащие основным условиям советского образа жизни, неизбежно обречены на исчезновение, то последние, представляющие лучшие сто-

¹ В настоящем сообщении мы остановимся на докладах по этнографии, фольклору и антропологии. См. также тезисы докладов: «Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г. Тезисы докладов и сообщений по этнографии», Ташкент, 1973; «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР», Ташкент, 1973.

роны культурного наследия народов СССР, вошли в фонд современной социалистической культуры. После Октябрьской революции возникают, кроме того, новые традиции, порожденные социалистическим строем, им принадлежит большая роль в развитии общесоветских черт культуры и быта народов СССР. Доклад был построен на этнографическом материале, охватывающем многие народы Средней Азии, Кавказа, Крайнего Севера, Сибири.

Далее археологи и этнографы работали раздельно. Заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР и Института истории АН УзССР началось с доклада С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова (Москва) о специфике этнических процессов в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Авторы отметили, что в большинстве стран Азии и Африки процессы национальной консолидации усложнены пестротой этнического состава, многоукладностью хозяйства, своеобразием классовой структуры. Одна из важнейших проблем консолидации — проблема языка. Авторы отметили, что существуют несколько путей ее решения: либо развитие соответствующего литературного языка до уровня общенационального и общегосударственного, либо параллельное развитие как нескольких местных языков, так и временное использование европейского, унаследованного от колониального прошлого. Важное значение имеют государственно-политические и экономические факторы этнической консолидации.

Т. А. Трофимова (Москва) изложила предварительные выводы обследования краниологических материалов из могильника Тумек-Кичиджик (Северная Туркмения). Обнаруженный в могильнике палеоантропологический материал хронологически неопределен. По мнению автора, неолитическое население имеет явно местное происхождение в отличие от пришлого населения Куясайской культуры (VII—VI вв. до н. э.). Череп эпохи античности (I в. до н. э.—I в. н. э.), имевшие незначительную монголоидную примесь, характеризуют другую этническую общность. Эти череп близки к черепам из могильника Туз-Гыр, предположительно определяемым как аланские.

В докладе Ф. А. Арипова (Ташкент) освещались вопросы этнографического изучения быта и культуры рабочих-узбеков. Подчеркнув большие успехи узбекских ученых в этом направлении, автор призвал этнографов уделять больше внимания этой важной проблеме.

Доклад А. В. Оськина (Москва) был посвящен наскальным изображениям, обнаруженным и изученным отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР в 1972 г. в горном массиве Букантау (внутренние Кызылкумы). Докладчик, сопровождая текст показом диапозитивов, охарактеризовал технику исполнения, техническую стилистику, характер рисунков, а также сюжеты петроглифов, отметил их хронологическую мозаичность. Основную массу изображений, особенно богато представленных в долине колодца Кырбукан, докладчик датировал второй половиной I тыс. до н. э.— началом (до середины) I тыс. н. э.

Р. Ф. Итс (Ленинград) выступил с докладом «Роль полевых исследований в университетской подготовке этнографических кадров». Он поставил вопрос о необходимости тесного сотрудничества кафедр этнографии с научно-исследовательскими учреждениями АН СССР и академий наук союзных республик для оказания материальной (прием студентов-практикантов в свои экспедиции) и научной (руководство практикой) помощи в подготовке студентов-этнографов.

Второе заседание Ученого совета открылось докладом О. А. Ганцкой и Л. Н. Терентьевой (Москва) «Проблемы исследования семьи в СССР». Отметив большой вклад, внесенный этнографами в изучение этой проблематики, авторы подчеркнули, что в условиях советского многонационального государства семья выступает одновременно объектом и субъектом этнических процессов: с одной стороны, как носитель своеобразных этнических определителей, а с другой, — как один из решающих факторов формирования личности.

С. И. Мирхасилов (Ташкент) сделал обзор основных направлений этнографических исследований в Узбекистане. Автор отметил, что за годы Советской власти было написано немало работ, посвященных этнографии Узбекистана, подготовлены высококвалифицированные национальные кадры этнографов. В 1973 г. сектор этнографии Института истории АН УзССР разделился на два сектора — исторической этнографии (досоветского периода) и этнографии Узбекистана советского периода. Это позволит, по мнению докладчика, расширить масштабы исследований как по этнической истории и традиционной культуре, так и по проблемам социалистического переустройства быта и культуры рабочего класса и колхозного крестьянства и по современным этническим процессам.

Х. Т. Ташев (Ташкент) в своем сообщении дал характеристику земледелия в низовьях Зеравшана в конце XIX — начале XX в. (этот район в то время входил в состав Бухарского ханства). Отметив ведущую роль зерновых культур, автор подчеркнул также большое значение хлопководства, садоводства, виноградарства и бахчеводства.

Л. И. Лавров (Ленинград) посвятил свой доклад исследованию этнических и культурных связей Кавказа со Средней Азией и Казахстаном. Он отметил, что в производственных навыках, материальной культуре, социальных институтах, фольклоре, народном искусстве и верованиях народов Кавказа прослеживается влияние Средней

Азии и Казахстана; без учета этих материалов нельзя заниматься этнографией многих народов Кавказа, в частности, тюркоязычных, а также осетин.

Во время сессии работали пять этнографических секций: «Проблемы этнографии народов Средней Азии», «Современные этнические процессы у народов СССР», «Этногенез и этническая история народов СССР», «Традиции и инновации в развитии материальной культуры и быта народов СССР», «Этнографические аспекты изучения духовной культуры народов СССР».

На трех заседаниях секции «Проблемы этнографии народов Средней Азии» было заслушано 23 доклада. Кроме того, одно заседание было отведено обсуждению работы над историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана, информация о котором содержалась в докладе Т. А. Жданко.

М. Г. Рабинович (Москва) посвятил свой доклад рассмотрению некоторых вопросов методики ареальных исследований в связи с работой над историко-этнографическими атласами. Автор подчеркнул особую эффективность введения методов количественных показателей, наложения ареалов, сопоставления ареалов во времени, метода динамических ареалов для выявления причин возникновения, развития и взаимодействия явлений материальной и духовной культуры.

К. Ниязклычев и А. Джикиев (Ашхабад) в докладе «К этнографии ранних туркмен Ахальского оазиса» привели сведения о сложении этнического состава Южно-Туркменистана, в частности, о двух этнографических группах туркмен — аялуи и мехинди.

Доклад Н. О. Турсунова (Ленинабад) был посвящен характеристике этнического состава населения городов Северного Таджикистана в конце XIX — начале XX вв.

Анализ хозяйственно-культурных традиций населения восточной Бухары в конце XIX — начале XX вв. был дан в докладе Б. Х. Кармышевой (Москва), которая подчеркнула, что причины многообразия хозяйственных типов следует искать не только в разнообразии природных условий и традиций населения, но и в глубоком хозяйственно-культурном взаимодействии разных этнических групп.

В докладе Б. З. Гамбурга (Ленинград) на основании изучения литературного материала и коллекций центральных и местных музеев была дана классификация узбекских земледельческих орудий. Докладчик выделил два комплекса орудий — северо-восточный (ташкентско-ферганский) и северо-западный (хорезмский). Кроме того автор выделяет «южную» контактную зону, для которой характерно бытование орудий обоих комплексов. Докладчик предположил, что в названных комплексах проявляются традиции земледельческих культур древних этнических общностей, сложившиеся в определенной экологической среде.

В. П. Курылев (Ленинград) изложил опыт типологической классификации скотоводческого хозяйства у казахов в конце XIX — начале XX в., предпринятой в связи с подготовкой атласа народов Средней Азии и Казахстана. Отметив, что в исследуемый период у казахов сложились три основных типа скотоводства — кочевое, полукочевое и оседлое — докладчик выявил зависимость между типом скотоводства и такими факторами, как состав стада, тип жилища, характер пищи, распространение земледелия.

Результаты совместной работы сотрудников Института этнографии АН СССР и Института археологии АН УзССР по исследованию традиционных навыков орошения в бассейнах реки Кашкадарья и среднего течения р. Заравшан были доложены Б. В. Андриановым (Москва). Автор отметил большое разнообразие приемов орошения и гидротехнических сооружений. Проведенные аэровизуальные рекогносцировочные наблюдения существенно дополнили наземные исследования по ирригации этого района. И. Мухиддинов (Душанбе) в своем докладе отметил, что для поливного земледелия западного Памира было характерно сочетание крайних простых гидротехнических сооружений с высокоразвитой техникой полива, отражающей специфические этнографические особенности земледельческой культуры каждой из народностей Западного Памира.

В докладе Б. А. Калоева (Москва) прослежены некоторые параллели в горном земледелии у народов Северного Кавказа и Средней Азии. По мнению докладчика, сходные черты в горном земледелии исследуемых регионов (проявляющиеся в сельскохозяйственных процессах, орудиях, возделываемых культурах и т. д.) обусловлены не только сходством географических и социальных условий, но и древними культурными связями.

А. Оразов (Ашхабад) в докладе «Обработка молочных продуктов у туркмен в XIX в.» рассказал о традиционных способах производства, хранения и употребления молочных продуктов и коснулся обычаев и обрядов, связанных с ними. Докладчик отметил, что в XIX — начале XX в. у разных этнических групп туркмен не было существенных различий в приемах приготовления молочных продуктов.

В докладе Т. Ташбаевой (Ташкент) «Из истории аренды (ижора) и товарищества (ширкат) в сельском хозяйстве дореволюционного Узбекистана» разбирались вопросы денежной и натуральной аренды. Докладчица отметила, что зачастую ширкат являлся скрытой формой байской эксплуатации дехкан.

А. Н. Жилина (Москва) подтвердила существование в недавнем прошлом древних архаических черт в жилище оседлого населения Средней Азии. Автор сделала вывод о том, что широкое распространение архаического типа жилого дома свидетельств-

вует об общности этнических и хозяйственных процессов, происходивших среди земледельческого населения Средней Азии в течение длительного времени.

Одежде сельского населения Узбекистана (на примере Кашкадарьинской области) был посвящен доклад Х. Исмаилова (Ташкент). Подробно охарактеризовав традиционный костюм населения, докладчик остановился на новых явлениях: распространении унифицированных форм национальной одежды, одежды фабричного производства и т. д.

В сообщении М. В. Сазоновой (Ленинград) была прослежена связь между древними социальными институтами и некоторыми элементами мужской одежды узбеков Хорезма. Деление на возрастные группы, сохранявшееся до недавнего времени, нашло отражение в одежде, в частности в ношении пояса, форме и материале головного убора.

Л. М. Варданян (Ереван) в докладе «Сопоставительный анализ армянских и среднеазиатских мужских объединений» показала сходство между армянскими (и шире — кавказскими) мужскими союзами и их среднеазиатскими аналогами, а также различия между ними, вызванные конкретными историческими условиями.

Ф. А. Арипов (Ташкент) в своем докладе изложил результаты первого анкетного обследования структуры и численности семей рабочих-узбеков в Бухаре, Фергане и Бекабаде. Собранные данные позволили сделать выводы об интенсивном процессе раздела больших семей, преобладании малых семей, росте числа межнациональных браков.

Новый материал по свадьбе и свадебным обрядам узбеков-карамутов приведен в докладе К. Тайжанова и Х. Исмаилова (Ташкент). Авторы выявили ряд специфических особенностей, характерных именно для этой этнографической группы узбеков, а также отметили формирование новых, советских свадебных обрядов.

М. Хамиджанова (Душанбе) посвятила свой доклад исследованию архаических форм погребальных обрядов таджиков верховьев Заравшана и Нурека. В погребальном обряде таджиков выявлены элементы древней, домусульманской обрядности.

Р. О. Варданян (Ереван) в докладе «Батман (ман) как основная единица веса (по материалам Закавказья и Средней Азии)» рассказал о своих исследованиях, в результате которых ему удалось установить, что «батман» был не только мерой веса, но и мерой объема сыпучих тел и единицей измерения поверхности земли. Автор выявил локальные различия в величине батмана, а также ареалы его распространения.

В докладе Н. С. Королевой (Москва) освещались основные направления современного развития народных художественных промыслов в республиках Средней Азии и Казахстана. Производству узорных войлоков, занимавшему значительное место в хозяйстве туркмен, посвятила свое сообщение Г. П. Васильева (Москва). Докладчица отметила глубоко национальный характер орнаментики, бытование локальных орнаментальных мотивов. Н. Н. Ершов (Душанбе) в своем докладе «Гиссарская алача» остановился на характеристике ныне угасшего ткацкого промысла таджикского селения Каратаг — изготовления шелковой ткани «алача». В докладе Т. И. Мезурновой (Душанбе) «Набойка Ура-Тюбе» характеризовалась технология одного из самобытнейших промыслов Северного Таджикистана — производства набивных хлопчатобумажных тканей.

На заседании секции «Современные этнические процессы у народов СССР» были заслушаны семь докладов. М. Н. Губогло (Москва) в докладе «Язык в коммуникациях многонационального общества» подчеркнул, что этнолингвистические процессы — составная часть этнических процессов. Докладчик выделил три направления в области дальнейших этнолингвистических исследований: синтаксическое, семантическое и прагматическое.

Т. В. Станюкович (Ленинград) рассказала, как на основе изменений в области экономики и культуры в советский период происходили изменения в расселении и материальной культуре (жилище, одежда, пища) у народов Средней Азии и Казахстана, каковы были их темпы и направленность, связь с урбанизацией населения, этническими процессами. Т. В. Станюкович сделала интересный вывод о перерастании национальных особенностей в зональные.

Л. Ф. Моногарова (Москва) на конкретном материале показала, что у памирских народностей межэтнические браки не играют существенной роли в процессах сближения их с таджиками и возникновения у них национального самосознания как «памирских таджиков». В данном случае определяющим фактором в консолидационных процессах являются социально-экономические условия.

В докладе А. М. Решетова (Ленинград) были показаны основные тенденции и направления этнических процессов у дунган — новой, сложившейся в советское время социалистической народности. Э. А. Керимов (Баку) нарисовал общую картину этнических процессов в Азербайджане по статистическим данным и полевым материалам. Он отметил сложный этнический состав народов, населяющих Азербайджан, и остановился на особенностях их этнического развития, уделяя особое внимание этнолингвистическим проблемам. В докладе Э. Р. Соболенко (Минск) «Влияние миграционных процессов на сельскую семью (по материалам Белоруссии)» были обобщены материалы анкетного обследования. Методике изучения современных этнических процессов у малых народов Крайнего Севера был посвящен доклад З. П. Соколовой (Москва). Отметив важность дальнейшего совершенствования методологии в области

изучения этнических процессов у народов этого региона, докладчица подчеркнула необходимость учитывать особенности расселения, численности, культуры и быта народов Севера.

Члены секции «Этногенез и этническая история народов СССР» прослушали 12 докладов. А. М. Хазанов (Москва) в докладе «Принципы периодизации истории кочевых обществ евразийских степей» остановился на различных точках зрения на эту проблему и предложил свою периодизацию, основанную на установленном этнографами (С. П. Толстов, Т. А. Жданко, Б. Х. Кармышева) факте постоянно существовавших тесных связей между кочевниками и земледельцами.

В докладе В. А. Никонова (Москва) «Этногенез народов Средней Азии и онамастика» на широком фактическом материале было показано, что собственные имена могут служить ценным источником для решения проблемы этногенеза народов Средней Азии.

О древних этнокультурных связях Западного Кавказа и Малой Азии рассказал Ш. Д. Инал-Ипа (Сухуми). Он привлек широкий сравнительный материал по лингвистике, этнонимии, топонимии, антропологии, археологии и этнографии.

Доклад А. А. Лебедевой (Москва) был посвящен этническим связям русского населения южных районов Западной Сибири с соседствующими народами.

Л. С. Толстова (Москва) в докладе «Исторический фольклор узбеков и каракалпаков Хорезма как источник для изучения ранних этапов этногенеза этих народов» проанализировала данные фольклорных записей, сделанные ею в 1960-х — начале 1970-х гг. у узбеков-митаков Самаркандской обл. УзССР, узбеков Хорезмской обл. УзССР и каракалпаков отдельных районов Каракалпакской АССР. Она показала как в фольклоре этих народов отражаются их исторические судьбы.

Т. К. Ходжайов (Самарканд) и В. Н. Ягодин (Нукус) рассказали о начале палеодемографических исследований на территории Средней Азии. На примере археологического комплекса Миздахкан, расположенного близ Ходжейли, докладчики проследили палеодемографические изменения с III по XIV вв. н. э.

Ю. С. Гаглойти (Цхинвали) прочел доклад «Скифско-осетинские этнографические параллели». Он отметил, что в культуре осетин прослеживаются пережитки и отголоски скифских обычаев, верований и обрядов, сохранившиеся главным образом в нартном эпосе.

На материалах Всесоюзной переписи 1970 г. и этнографической экспедиции 1972 г. был построен доклад Н. В. Бикбулатова и С. Н. Шитовой (Уфа) «Особенности этнической истории, культуры и быта башкир Зауралья». Докладчики дали демографическую, социальную и этнокультурную характеристику своеобразной группы зауральских башкир, территориально обособившихся от основного массива этого народа еще в XVIII в. в связи со строительством горных заводов.

Х. А. Алляров (Ташкент) сделал доклад «Узбекская народная фониатрия». Докладчик продемонстрировал материалы, связанные с исследованиями среди узбекских народных врачей-лечебников, в том числе фониатров, занимавшихся как пением и игрой на одном из народных музыкальных инструментов, так и профилактикой заболеваний голосового аппарата певцов.

В докладе О. Исмагулова (Алма-Ата) были подведены итоги антропологических исследований среди родоплеменных групп Среднего Жуза. Эти данные позволяют заключить, что по основным расово-диагностическим признакам между родоплеменными группами выявлено больше сходства, чем различий. В целом же казахи Среднего Жуза относятся к южносибирскому расовому типу.

На основании сравнения новых палеоантропологических материалов из могильника Кобыстан с данными из других памятников этой территории Р. М. Касимова (Баку) сделала некоторые предварительные выводы, касающиеся этногенеза азербайджанского народа.

В докладе Т. П. Кияткиной (Душанбе) «Черепя эпохи бронзы Таджикистана» были приведены новые материалы, полученные во время полевых исследований.

На отчетно-экспедиционной сессии работала секция «Традиции и инновации в развитии материальной культуры и быта народов СССР». На ней были заслушаны 10 докладов, в которых затрагивались как теоретические, так и практические вопросы (о возрождении забытых промыслов, использовании традиционных производственных навыков и т. д.).

И. С. Гурвич (Москва) на материалах, собранных Северной экспедицией Института этнографии АН СССР, показал роль исконных и заимствованных элементов, а также соотношение новых и традиционных форм в современной культуре народов Крайнего Северо-Востока Сибири — чукчей, азиатских эскимосов и ксряков.

В. П. Дарбакова (Элиста) посвятила свое выступление формированию социалистических традиций у калмыков. Докладчица отметила, что, наряду с изживанием отсталых обычаев и обрядов, происходит развитие наиболее прогрессивных национальных традиций, а также зарождение новой социалистической общности.

Об изменении быта современного армянского села говорил Ю. И. Мкртумян (Ереван). Его сообщение было основано на материалах, собранных этнографической экспедицией Ереванского университета в северо-восточной Армении. Б. Ж. Баялиева (Фрунзе) в своем сообщении подчеркнула активную роль новых социалистических традиций и обрядов киргизов в изживании пережитков прошлого.

О. И. Макарова (Ташкент) говорила о необходимости возрождения традиционных народных промыслов, в частности узбекского производства изделий из тыквы-горлянки.

С. А. Гаджиева (Махачкала) остановилась на характеристике разных форм калыма и приданого у ногайцев в конце XIX — начале XX в. и изживании архаических элементов в их свадебной обрядности. Д. А. Рухадзе (Тбилиси) охарактеризовала системы земледельческих орудий, традиционной агротехники, ассортимента сельскохозяйственных культур Западной Грузии (Колхида).

А. И. Робакидзе (Тбилиси) прочел доклад «Элементы военно-аристократического уклада в общественном быту народов горного Кавказа в прошлом». В докладе содержится интересный материал о постепенном изживании и переосмыслении в прошлом архаических элементов в социальной организации горских народов Кавказа.

Интересный сравнительный материал содержался в докладе Н. Л. Жуковской (Москва) «Взаимодействие кочевнических традиций и урбанистических инноваций в современном быту монголов (по материалам советско-монгольской историко-культурной экспедиции)».

Юбилейной экспозиции Государственного музея этнографии народов СССР был посвящен доклад Д. А. Сергеева (Ленинград). Докладчик подчеркнул, что юбилейная экспозиция отразила расцвет национальных культур народов СССР. Основные положения доклада были богато иллюстрированы.

На двух заседаниях секции «Этнографические аспекты изучения духовной культуры народов СССР» было прочитано 20 докладов.

В докладе «Об историко-этнографическом значении народной поэтической обрядности» В. К. Соколова (Москва) остановилась на вопросах, связанных с характером и особенностями происхождения наиболее древнего пласта народной поэтической обрядности, прежде всего символики. Она отметила, что традиционные устно-поэтические символы непосредственно связаны с обычаями, обрядами, первобытными социальными институтами.

О задачах изучения русского фольклора в национальных республиках говорила Э. В. Померанцева (Москва). Она отметила большую роль взаимодействия устно-поэтического творчества разных народов в условиях национальной консолидации, этнической ассимиляции и сближения наций Советского Союза, особенно в регионах со смешанным населением.

Н. И. Савушкина (Москва) прочитала доклад «Значение повторных экспедиций для изучения фольклорно-этнографических особенностей местности». Материалы экспедиций МГУ 1970—1972 гг. на Пинеге и сопоставление их результатов с данными комплексной экспедиции П. С. Ефименко 1927 г. позволили автору проследить изменения в жанрах, выявить их взаимосвязь, местную специфику и традиции.

В докладе И. И. Шангиной (Ленинград) «Мотивы финноугорского фольклора в русской крестьянской вышивке XIX в.» были показаны тесные связи ряда мотивов русской вышивки архаического типа с мотивами русского фольклора, в частности, волшебной сказки (крылатые кони, люди, летящие на птицах, превращение коня в птицу и т. п.), а также с мотивами мифологии саамов, вепсов, карел.

Изучению музыкального народного искусства были посвящены два доклада. Б. Н. Путилов (Ленинград) охарактеризовал творчество черногогорских гуслиров — хранителей и исполнителей эпоса. Л. С. Христолюбова (Ижевск) построила доклад «Национальное музыкальное искусство в духовной культуре удмуртов» на материалах обследования (более двух тыс. человек городского и сельского населения), проведенного Институтом этнографии АН СССР совместно с Удмуртским научно-исследовательским институтом.

О традиционном хореографическом искусстве коренного населения Северо-Востока Сибири (по материалам экспедиции 1972 г.) рассказала М. Я. Жорницкая (Москва), проиллюстрировавшая доклад интересными диапозитивами. Докладчица рассматривала корякские, чукотские и эскимосские танцы и разделила их на два типа — игровые и обрядовые. М. Я. Жорницкая считает, что в целом хореография коренных народов Северо-Востока Сибири занимает четко очерченный регион (Чукотка, Камчатка, Северо-Восток Якутии), резко отличающийся от якутского региона, в котором господствуют круговые хороводные традиционные танцы.

Э. Е. Фрадкин (Ленинград) рассказал об изображениях на ручках бронзовых кувшинов с территории Средней Азии и Ирана, которые хранятся в отделе Востока Государственного Эрмитажа. Докладчик показал, какими техническими приемами достигается двойное изображение: на ручках кувшинов XVIII—XIX вв. (головы льва и человека, слона и человека). Он доказал, что это был определенный стилистический прием, свойственный искусству многих народов и отражавший пережитки первобытного мышления в области изобразительного искусства.

Доклад Р. К. Уразмановой (Казань) был посвящен весенне-летнему календарному циклу обрядов и праздников татар. Она доложила результаты работ, проводимых по программе «Этнографического атласа татар». Собранные за последние два года материалы показывают наличие общих черт в весенне-летних обрядах и праздниках различных групп татар.

М. А. Меретуков (Майкоп) в докладе «Брачное помещение у адыгов» остановился на обычаях выделять особые брачные помещения для молодоженов и некоторых

лиц, находящихся при невесте. Докладчик связывает эти обычаи с определенными социальными институтами. Т. А. Очиаури (Тбилиси) прочитал доклад «Элементы культуры воды в свадебном обряде у горцев Восточной Грузии».

П. В. Денисов (Чебоксары) прочел доклад «Культ священного дерева — древа жизни в религии чувашского народа». Рассматривая вопрос о формировании культа священного дерева в религии чувашей, характерного для финно-угорских народов и пришлого тюркоязычного населения, докладчик доказал, что большинство обрядов, связанных со священным деревом, восходит к культу растительного тотема, к эпохе материнского рода. В докладе В. Е. Владыкина (Ижевск) «Культ семейно-родовых святых в дохристианских религиозных верованиях удмуртов» был дан анализ культа «воршуда» у удмуртов, выявлены его истоки, место и роль в общем дохристианском комплексе верований. Докладчик показал также связь института воршуда с материнской родовой организацией.

Доклад Т. Х. Мамбетова (Нальчик) «Танец в честь великого бога (об одном языческом обряде адыгов)» содержал описание всенародного праздника с жертвоприношениями, обильным пижеством, песнями, танцами и состязаниями, существовавшего в VI—XVIII вв. (а в пережиточной форме и в XIX в.).

В докладе А. С. Давыдова (Душанбе) «Некоторые представления, связанные с кабаном, у таджиков» отмечалось двойственное отношение таджиков к этому животному. В докладе О. Муродова (Душанбе) «Духи „пэри“ и обряд „пэриталбон“ (приглашение пэри) у таджиков средней части долины Заравшана» было дано описание некоторых представлений таджиков, связанных с верой в добрых и злых духов, а также пережитков шаманизма и знахарства. Вере в духов был посвящен и доклад Х. Е. Есбергенова (Нукус) «Реликты демонологических представлений у каракалпак», в котором утверждалась генетическая связь культа пэри (злого духа) в образе женщины с культом богини-матери и культом змей.

На данных археологии и этнографии был основан доклад О. В. Обельченко (Москва) «Проявления культа огня в курганных погребениях античного Согда», в котором сопоставлялись материалы курганных захоронений античного Согда, связанные с культом огня у народов Средней Азии и Казахстана.

Доклад И. А. Кремлевой (Москва) «Старообрядчество в Заволжской деревне в наши дни (на примере дер. Климово Уренского р-на Горьковской области)» был посвящен важной проблеме изучения современных религиозных верований. Этнографические сведения, собранные в Горьковском Заволжье, дали докладчице возможность показать наиболее характерные черты процесса разложения старообрядчества в одном из районов его традиционного распространения.

Доклад В. А. Маланчук (Киев) был посвящен изучению современного быта украинских колхозников.

Участники Сессии отметили большую ценность новых полевых материалов, собранных докладчиками, подчеркнули возросший теоретический уровень исследований, рекомендовали к скорейшей публикации заслушанные сообщения и доклады.

Для этнографов члены Узбекского Оргкомитета сессии организовали интересную поездку в колхоз «Узбекистан» Пост-Даргомского района. Участники конференции смогли ознакомиться с производственной деятельностью района и колхоза, бытом и культурой колхозников. С обстоятельными докладами о жизни района и деятельности колхоза выступили секретарь райкома А. Т. Кубаева и председатель колхоза С. Ибрагимов. В честь присутствующих был дан концерт узбекской народной музыки и танца, а вечером все были гостями на комсомольской свадьбе.

И. М. Семашко, З. П. Соколова

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЙНОГО ХРАНЕНИЯ, КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

С 27 ноября по 2 декабря 1972 г. в Москве проходил семинар, посвященный проблемам музейного хранения, консервации и реставрации произведений декоративно-прикладного искусства, организованный Министерством культуры СССР совместно с Академией художеств СССР.

В работе семинара приняли участие более 300 представителей различных музеев и учреждений страны, в том числе Государственного Эрмитажа, Московского Кремля, Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации музейных художественных цен-